

К вопросу о постсекулярности и постметафизике. Критика критики в спекулятивном материализме К. Мейясу

Научный руководитель – Чернавин Георгий Игоревич

Болотов Иван Владимирович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: bolotov.ivan.vladimirovich@gmail.com

Утверждение о том, что современный мир - это мир после секулярности, уже давно является чем-то вроде академического трюизма. Разговоры об этом начались ровно в тот момент, когда стала очевидной необоснованность и поспешность выводов, распространенных в XX-ом веке теориями модернизации. В их основе лежало предположение, что «модернизация и секуляризация всегда идут рука об руку — чем больше одного, тем больше другого» [Узланер, 2011, 3]. Исторический опыт недавнего прошлого дает понять: этот тезис, как минимум, излишне радикален. Современности, как бы она ни старалась, так и не удалось избавиться от преследующего ее религиозного духа. Религиозное возвращается в новых формах, будь то политические движения, запрос на идентичность или духовность.

Триаду религиозное-секулярное-постсекулярное не следует рассматривать как тезис-антитезис-синтез. Секуляризация не просто отрицала религию, а постсекулярность, соответственно, не явилась простым снятием их дихотомии на новой ступени. Эти понятия действительно немислимы в отрыве друг от друга и созависимы, но их связь другого рода. Эпоха секуляризации, начавшаяся с Реформации, никогда не была лишь одним восстанием разума против иррационального, хотя бы поскольку, как ретроспективно выясняется, она сама содержала иррациональное зерно. Точно также постсекулярность не описывает ситуацию банального возвращения религиозных атавизмов. По-видимому, последовательность трех терминов следует понимать иначе, например, как три разных взгляда на пропорцию религиозное/светское в единой системе координат [5].

Основной пафос постсекулярности - это пафос неопределенности, открытых возможностей. В новых условиях подвергаются деструкции бинарные оппозиции, такие как рациональное-иррациональное, прекрасно работавшие в прошлом. Это тот момент, когда, имея длительный исторический опыт как религиозного, так и позитивного мировоззрения, их возможно помыслить заново, избегая предыдущих ошибок. «А главный вопрос — о том, каким должно быть и каким будет соотношение религиозное — секулярное на этом новом этапе европейской истории» [Кырлежев, 2011, 106] .

Как следствие, взаимоотношение теологического и рационального вновь приобретает актуальность в современных философских дискуссиях [6]. И здесь имеется ряд опций. Либо признать право на самоопределение, согласиться на диалог религии и разума в общественном пространстве. Либо занять сторону одного из претендентов и попытаться завершить это противостояние в его пользу. Решение во многом зависит от того, как оценивать процесс секуляризации в целом. Действительно ли он представлял собой историческое движение в правильном направлении? Была ли секуляризации достаточно секулярной? И в какой мере она подготовила нынешнее положение дел? Иначе говоря, требуется поставить и ответить на вопрос о взаимосвязи критики и религии.

Начиная с И. Канта европейская философия вступает в длительную череду попыток опровержения метафизики. Хотя эти попытки не имели окончательного успеха, влияние

критического предприятия на историю философии трудно переоценить. Примечательно, что фигура Канта, судя по всему, является исходным пунктом как для метафизической (отход догматизма), так и религиозной (опровержение онтологического доказательства) критики. Однако, между ними есть разница: в случае метафизики возможности схлопываются в критическом напряжении разума, устанавливающего границы самому себе. В то время как для религии они открываются, *пусть и в модусе чистой веры* [3]

Постсекулярное и постметафизическое резонируют друг с другом, более того, одно невозможно без другого. Но между ними есть существенный разрыв: если ситуация постметафизики является результатом успешной критики, то переход от секулярности к миру после нее - очевидным образом символизирует ее провал. «Другими словами, постсекулярная эпоха наступает, когда обнаруживается истинный характер секулярного как квазирелигиозного» [Кырлежев, 2011, 104]. Недостаточность критического модернизма, его неспособность соответствовать собственным стандартам конституирует проблематическое поле, в которое совершают интервенцию некоторые из актуальных философских проектов.

Одна из задач спекулятивного материализма К. Мейясу - критика «предрассудков критического разума». Он не согласен с традиционной точкой зрения, что критическая философия являлась инструментом подлинной секуляризации, так как она была колонизирована тем, против чего она боролась, - догматизмом.

Мейясу утверждает: развитие мысли после Канта должно быть понятно, как история забвения логоса в пользу скепсиса. Изначальная интенция критического предприятия состояла в овладении своим разумом (познавательной способностью), дабы перестать совершать ошибки, присущие его детскому состоянию. В итоге все пришло к тому, что критика выстрелила сама себе в ногу, впусив в дискурсивное пространство самые разнообразные формы иррациональности. Разум победил, одновременно проигрывая. Поэтому не следует автоматически отождествлять критику онто-теологии и метафизики с секуляризацией. Она, конечно, бьет по теологии, но вместе с тем ее деабсолютизирующие мотивы не только не угрожают религии, но могут даже играть в ее пользу [2].

Как это возможно? С его точки зрения, все дело в отказе от классической рациональности. Ограничив возможности разума в доступе к независимому от нас миру самому по себе, мы отказались от рациональных претензий на абсолютные истины. Образовавшийся зазор был быстро занят иррациональной спекуляцией. Современный фидеизм, тем самым, является прямым следствием того, что было принято считать развитием критической рациональности. Поскольку сама рациональность в постметафизическом была задана сугубо негативно, то отныне выбор в пользу того или иного взгляда на абсолют нельзя ни обосновать, ни отвергнуть разумом, но только сердцем. «Скептицизм по отношению к метафизическому абсолюту, таким образом, легитимирует *de jure* любую, от самой худшей до самой лучшей, форму веры в абсолют» [Мейясу, 2015, 64].

Источники и литература

- 1) Кырлежев Александр. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3. С. 100-106.
- 2) Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. М; Челябинск. 2015.
- 3) Ойзерман Т.Н. К вопросу о знаменитом тезисе Канта «мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Выпуск 25. Калининград: Изд-во РГУ им И. Канта, 2005. С. 3-14.

- 4) Узланер Дмитрий. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3. С. 3-32.
- 5) Узланер Дмитрий. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1.
- 6) Smith Paul Antony, Whistler Daniel. What is Continental Philosophy of Religion now? // After Postsecular and the Postmodern. Cambridge Scholars Publishing. 2011. P. 1-26.